

Андрей Белый

МОСКВА
ПОД УДАРОМ

роман

Москва, 2018

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б43

Белый, А.

Б43 Москва под ударом / А. Белый. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 262 с. — (Модное чтение).

ISBN 978-5-521-06986-6

Андрей Белый (1880–1934) — известный писатель Серебряного века, поэт, критик, мемуарист, один из ведущих деятелей русского символизма и модернизма.

«Москва под ударом» — удивительный роман А. Белого, задуманный им, наряду с «Московским чудаком» и «Масками», как часть единого произведения — трилогии о Москве. Немецкий шпион Мандро стремится похитить у знаменитого профессора его открытие. Злободневность и едкая сатира в сочетании с невероятным по образности и звучанию слогом великого символиста надолго запомнится каждому читателю.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-06986-6

© T8RUGRAM, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора.....	5
Глава первая. СВАЛЕНЬ СОБЫТИЙ.....	7
Глава вторая. НЕГОДЯЙ	79
Глава третья. УДАР.....	175

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Роман «Москва» задуман в трех томах, из которых каждый — законченное целое; но оба лишь создают целое — «Москву», как мировой центр.

В первом томе, состоящем из двух частей, показано разложение устоев дореволюционного быта и индивидуальных сознаний, — в буржуазном, мелкобуржуазном и интеллигентском кругу.

Во втором томе я постараюсь дать картину восстания новой «Москвы», не татарской; и по существу уже не «Москвы», а мирового центра.

Лишь в обоих томах очертится тема моего романа.

*Сентябрь 1925 года. Кучино.
Автор.*

Глава первая СВАЛЕНЬ СОБЫТИЙ

I

Вы представьте, — однажды под вечер Мандро — фон-Мандро — пробирался по неосвещенным покоям, таясь от лакеев, не в шубе собольей, а в драном пальтишке, подняв воротник; проюркнув, точно ворик, в подъездную дверь и на дрянненьких саночках, точно какой неимущий, поехал куда-то; стрельнул сверкунцами Кузнецкий, Тверская; Никитская сбавила свету; замеркли уже переулочки.

Над многоверхой Москвой неслись тучи.

Поземица снежная перевивала волокна под ноги; расстались два дома; меж ними писались замахи метели; мутнел переклик расстояний; кривой переулок разглазил фонариком; вот — и заборик: с приметами снега.

Мандро расплатился.

Безверхий домишко желтел перед ним из теней; в прикалиток прошел; серопузая психа попалась под ноги.

И голос сказал:

— Не споткнулись бы вы о корбасину.

Там из окошечка под голубым колпаком дозиратель смотрел неживым и каким-то калелым лицом.

Позвонился.

В окне дозиратель вскочил, прилипая к стеклу старобабьим своим подбородком; взял лампу: пошел открывать; прокащеила пастень в окне световом, переломан-

ная на гнилявом заборике; два растрепанца в тени приворотенки лясы точили:

- Смотри-ка...
- Догожий какой...
- Долгорожий...
- И с баками...

Дверь тарарыкнула (домик был с поскрипом); и на пороге, ладонями стиснувши ворот расстегнутый, шею своей худобину показывал Грибиков, руку простерши (живот с подтягухой); глаза – с прихиреньем; в старышке, в исплатанных, серо-кофейных штанах; как-то косо взглянул на пальтишко (зачем не в песцах), подал плоскую руку; сказал – с хрипотцой:

– Вы и есть.

Не смутило его посетительство это; строптивил всем видом своим; он пошел дерганогом, валяся набок и едва волоча свои кости в прожолклую комнатку, где охватил запах каши и клея; Мандро, не снимая пальто, шел за ним, замрачась, и будто с пригрозой вымедлив:

– Что постоялец?

Он – дельтообразным казался; и Грибиков – «кси» – вдруг пропсел как-то ртом; и рукой гребанул раздражительно:

– Сутормы строит: плохонек, – овшивел... Коснулся своей бородавки, зазеркал и сплюнул:

– Николит неделю: пококал посуду мою; а теперь – занутрил; не выходит из комнаты: стонет ночь-ноченски.

Косо на палец взглянул:

– И посяпору пьет. Палец вынюхал:

— Да, я могу сказать: впустопорожне живет у меня, — задербил спину он откоряченным пальцем: на дверь по-казал: — Полюбуйтесь сами: устроил из комнаты мне мухин сын этот мшарник.

И — дверь он открыл.

И с пожесклым лицом Эдуард Эдуардович шел в эту дверь; затворил ее; Грибиков заколтыхался к столу; и, двуглазку надевши на нос, продолжал себе что-то подшоптывать, тихо мурлыча, как будто его не касается во-все при-бытье Мандро; но в глазах подымался сплошной муший зуд: любопытство сплошное.

И — мешень из мыслей.

II

Ну, ну, — и закута ж!

Муругие стены с придухою, плесенный запах; какая-то ларина, прель; не постель — просто козлы; на них — растряпья промесилица грязная; стульчик порожний (зачем-то сушился подштанник на нем); на полу и расплюй, и мокрель; на постели лежал заварызганный карлик в кофтенке кирпичной, скорей, впрочем, серой от грязи, трухлея своей передряблой и струпистой кожей; под глазом вскочил неприличный пупырь; еле дергались ноги его в потрясухе; изветошил платье: какой-то бахромыш додирывал; с сипом дышал, что-то мумлил.

Как видно, — был пьян.

Эдуард Эдуардович, чуть не заткнув нос от вони, всем видом брезгливость показывал; жескнул глазами на карлика:

— Что — насандалились? — зубил он. И отвечало безгласие.

– Что ж вы молчите?

Постель разбарахталась; что-то прокеркало:

– Лучше оставьте казнь...

Мандро измертил его взглядом:

– Вы бьете баклуши: вы пьете.

И карлик поднялся своим пролежалым лицом, пожелтелым, как старый лимон:

– Что ж, прикажете жить водохлебом? Чернела заклейка дыры носовой.

– Нет, не жить водохлебом, а, взявши солиднейший куш, двинуть дело скорей.

Карлик сел:

– Вот они, – получайте обратно.

– Что?

– Деньги: пожалуйста... Мне их не надо: довольно с меня...

Мандро вздрогнул; не без удивленья взглянул, но – сдержался; развивши стратегию взглядов и позы, пожескнул лицом:

– Натё... – карлик затрясся. – Пожалуйте... Там вот – там, там: под периной... Своими руками берите обратно... Не я ли следил, как умел? Завел связи с прислугою... Все разузнал: и про письменный стол, и про... Что? Вам все мало: я знаю, чего вы хотите... Чтоб я ж и украл их?

Мандро столпенел.

– А вы знаете, что говорится в писании? Там говорится: Тебе говорю, Кавалькас, – не укради!

Стащился с постели; стал рыться в разгрязах! и, вытащив старый замотыш, потряс им над лобиком:

– Вот они, сребреники!